

Қабылдаушы Көрмес түйені де көрмес деген халық мәтелін сәтті қолданып, кекесін білдіреді. Сонымен бірге қысқа қайырылған жауаптан тыңдаушы біраз нәрсені түйіндейді.

- Кешіре көріңіз, Қаске-аға, іріктің аузынан шірік шығады емес пе, албасты басып аңдамай сөйлеп қаппын,- деп құйрығын жыланша ирелеңдетті.»

Талабы жоқ адам – шалбарының балағы жоқ адам секілді сорлы зой. Құр ауыз алысқа алып бармайды. Ауызға қоса талап, талант керек (О.Ә., 18-б.).

Сатирада мақалдар мен тұрақты тіркестерді орынды пайдалану үрдісінде сықақ мағына беретін мақал-мәтелден айыра танығысыз ұйқасты жолдар мол кездесетінін мына мысалдар да дәлелдейді: «Еріккенге ермек керек, ерігіп те көрмек керек екен». «Әйел түсінде еркек көретін шығар, еркек байғұстың түсі де қыз-қырқынға толы ертек шығар». «Еріккен елге ермек керек, тегін қызықты көрмек керек». «Тауықтың түсіне тары кіреді, адамның түсіне тауықтан басқаның бәрі кіреді» т.б.

Нақыл, дана сөздер сатиралық шығармалардың әсерін арттырып, керек жерде афоризм ретінде өте бір қисынмен кірістіріліп отырады. «Афоризм қаламгердің өз басынан өткерген, алайда дәлелдеуді қажет етпейтін шындықты рухани қорытып шығаруы нәтижесінде пайда болады. Афоризм, әдетте, көп мағыналы болып, өмір қайшылықтарының өткіншілігіне негізделеді» [3, 24]. Қаламгер басты мақсаттары – адам бойында кездесетін жағымсыздықты міней отырып, біршама тұжырымды түйін жасау. Рас, кейде сатириктердің тұтас жинақтарын оқи отырып, мына өмір, тіршілік тола кемшіліктер мен жағымсыздықтардан тұратын секілді көрінеді. Бірақ сатириктер шығармаларындағы бірде-бір мысқыл мен кекесінге, әжуа мен ашы сықаққа қарсы уәж айта алмайсың. Өйткені, ол өмірде бар. Нақыл сөздерден оқырманға даритын басты ой – «соны байқа, содан сақтан!». Мысалы: Жапалақта ән болмайды, жағымпазда ар болмайды. Мылжыңның билікке жеткені – құмға күріш еккені. Суайтқа ісің түскені - жүйкеңнің іскені. Бұл мысалдарда жағымсыз көріністерді әшкерелеуде салыстыру тәсілі қолданылған.

Өткір сынауда, әжуалауда мақал-мәтелдер мен нақыл сөздердің маңызы зор екендігін сатира тіліндегі қолданыстардан көріп отырмыз. Мақалдардың ішінде ассонанс, аллитерацияны, ішкі ұйқасты, үндестігін жиі кездестіруге болады. Мақал-мәтелдер сатиралық шығарманың идеясына байланысты жұмсалып, семантикасы жағынан экспрессивті болып келеді. Осы мақал-мәтелдер сын-сықақ тудырып, шығармаға ерекше әсер беріп, идеясын аша түсуге ықпал ететіні сөзсіз.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Жанпейісов Е. Қазақ прозасының тілі. – Алматы, 1968. – 265 б.
2. Қайдар Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселелері. – Алматы, 1999. – 209 б.
3. Әділова А. Сентенциялардың лингвистикалық сипаты. – Алматы, 2003. – 180 б.

Оразғалиева Гүлфарид Шамсуловна, канд. филол. наук, доцент
Профессор Академии «Volashaq» (Караганда)
orazgaliyeva_gulfaruda@mail.ru

КАЗАХСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В СЛОВЕСНЫХ ОБРАЗАХ ШЕРХАНА МУРТАЗАЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ЧЕРНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ»)

Учитывая антропоцентризм современной лингвистики, согласно которой за каждым речевым произведением «стоит» не только языковая система, но и языковая личность, стилистический анализ должен быть ориентирован не только на определение стилистической маркированности (принадлежности текста к одному из функциональных стилей речи), но и на выявление индивидуальных особенностей стиля автора, отраженных в тексте.

Ю.Н. Караулов отмечает: «За каждым текстом стоит языковая личность». Он считает, что структура языковой личности состоит из трех уровней: 1) вербально-семантический, который предполагает для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя — традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную

"картину мира", отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализ предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания — к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматический, который включает в себе цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [1, 3].

Понимание художественной литературы предполагает умение читателя не только воспринимать текст как сумму значений составляющих его единиц, но и распознавать «двойственную» природу языковой единицы в художественном тексте, её способность наполняться новым поэтическим содержанием. При этом создатель литературного произведения обязательно использует возможности языка специфическим, только ему одному присущим, способом [2, 8].

Цатурова И.А., Каширина Н.А. под дискурсом понимают «сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста, знаний о ситуации, социальные знания и определенные культурологические и прочие типы знаний, т.е. это текст, «погруженный в жизнь» [3, 45].

Поэтому текст представляет собой нечто качественно иное по сравнению со всем тем, что можно обнаружить в языке.

Образное и творческое использование языка имеет ценность как в образовательном контексте, так и само по себе. Язык может использоваться рецептивно, продуктивно, интерактивно, медиативно как в устной, так и в письменной форме.

По выражению Ю.Д. Апресяна, важнейшей языковой сущностью, в которой содержится основная информация о связи слова с культурой, являются образы [4, 38].

Рассмотрим некоторые словесные образы в романе «Черное ожерелье» Ш. Муртазаева (автору Постановлением ЦК КП Казахстана и Совета Министров КазССР за роман «Черное ожерелье» присуждена Государственная премия Казахской ССР 1978 года). Поскольку действие происходит в горной местности на юге Казахстана, то прослеживается казахская ментальность в образных средствах.

Писатель использует олицетворение: «Лишь *Каратау* слышит их. *Каратау* хмурится. Ему не дано с места сойти, а то сдвинул бы разом горы, раздавил коричневую нечисть, отнявшую у детей детство... Но только чернеет *молчаливый Каратау*» [5, 106]; «Даже горы, казалось, *пригнулись в ожидании, затаились припикли к матери-земле*» (перед взрывом в карьере -О.Г.) [5, 166]; употребляет перифраз (*коричневая нечисть* – фашизм); у него горы ассоциируются с матерью: «Горы! *Мои простодушные и щедрые матери*, которые могут быть очень суровыми и вырвать тебя из сердца, если ты отвернешь лицо от народа и предашь родную землю» [5, 30]. Автор называет горный хребет Алатау *белым пояском*: «Впереди виднелись голые утесы Бурундая, А за ним светлел *белый пояс*. Это снежный Алатау» [5, 149]; даёт описание скалы: «Сбоку каменная скала, гладкая, блестящая. *Кереге* называется. Альпинистам впору на нее забраться. Ну, скалолазам. А простому смертному страшновато и подходить» [5, 157]. *Кереге* – это остов юрты, т.е. вертикальная стена, состоящая из нескольких частей в виде деревянных ромбовидных решеток, которые складываются во время кочевков.

Главная героиня Марзия как-то увидела облако, затронувшее её воображение: «Когда Марзия открыла глаза, над ней плыло высокое синее небо. *Белый верблюжонок с хрустальным колокольчиком* стоял, подняв ножки, на самом краю пушистого облака [5, 61]. Казахи с трепетом и нежностью относятся к жеребяткам, верблюжатам, ягнятам, телятам, они их лелеют, холят, заботятся о них, как о своих детях. Особое место занимают верблюжата (каз. **бота**): у них большие красивые, выразительные глаза с синеватым налётом, хозяева оберегают их, стараются не показывать молодую поросль верблюда другим людям, чтобы не сглазить. Родители ласково обращаются к своим детям: **кұлыным, ботам, тайлағым** (**кұлын** – жеребёнок; **тайлақ** – верблюжонок второго года жизни).

Образ белого верблюжонка, которого девушка сравнивает со светлой и далёкой мечтой, часто посещает её мысли, воспоминания: «Тропы каменистые и реки *разговорчивые*. ...*Скачет белый верблюжонок с хрустальным колокольчиком*. Он похож на светлую мечту, которая вот-вот дастся в руки и вдруг оказывается недостижимо далекой...» [5, 139]; «А потом было высокое небо и *белый верблюжонок с хрустальным колокольчиком да рубин на траве*. Одинокий тюльпан, сорванный не

вовремя» [5, 191]; «...Тасауз, *каменное ущелье*. В черном бархате ночи белые шатры. Бесконечное множество звезд в небе. *Белый резвый верблюжонок с хрустальным колокольчиком на шее*» [5, 218]. Марзия олицетворяет природу (*реки разговорчивые*), называет дикий красный тюльпан *рубином*, старинным словом *лал*, комментирует топоним Тасауз (*каменное ущелье*), использует эпитет (*черный бархат ночи*).

Милославская С.К. и, Скорлуповская Е.В. отмечают, что национально-культурный компонент языковых единиц, использованных в тексте, в свою очередь, представляет собой многоплановое явление, затрагивающее ряд существенных лингвистических характеристик слова и словесного комплекса [6, 73].

Ш. Муртазаев прибегает к многочисленным сравнениям: «Когда Марзия улыбнулась, *словно солнышко из-за туч выглянуло*» [5, 88]; «Легкие белые облака, *подобно лебединым стаям*, опускались на горы» [5, 104]; «Горы совсем мрачные. *Холмы издали похожи на набитые птичьи зобы*. Или на *перевернутые казаны*, полные богатств. Хватит сил, бери! Чтобы выбрать их, *выгрызли дыру в стенке казана пять экскаваторов*» [5, 111]; «Огромным *беркутом казался экскаватор*, добравшийся до добычи» [5, 114]; «А в голове Наримана кочуют горбатые мысли, *подобные караванам в пустынях*, бьются они, *как этот буран*, куда только не заводят» [5, 118]; «Самих машин не видно, только красные огоньки стоп-сигналов, *как волчьи голодные глаза*, сверкают во тьме» [6: 121]; «Столбы, только вчера установленные, пошагали друг за дружкой, связанные проводами, *как караван в белой Сахаре*» [5, 127]; «В доме было тепло. Она (Марзия) сняла полушубок и валенки, размотала платок и обрела свой облик прекрасной, *как тюльпан, девушки*» [5, 137]; Угрюмые скалы глядят хмуру, *как воины на незваных пришельцев*» [5, 147].

В метафорах писателя отражается своеобразное видение мира: «Если посмотреть в карьер сверху, увидишь своего рода *шахматную доску* – так расположена взрывчатка» [5, 166], т.е. в карьере взрывчатку кладут шахматнообразно; «От ходьбы и мороза, от радости и смеха Марзия раскраснелась и еще больше похорошела. Сказочно прекрасной сделали её горы. На длинных ресницах пушился иней. *Жемчугом сверкали в неудержимой улыбке ровные зубы*» [5, 190]. Казахи про красивые ровные зубы говорят **инжу маржан тіс**, уподобляя их блестящим жемчугам.

Автор прибегает к олицетворениям, сравнениям: «Замерли люди, сидевшие у пульта. Тишину заполнил стук часов. *Солнце и то осторожно спряталось за тучку. Небо побледнело, как человек в минуту потрясения*. Даже горы, казалось, *пригнулись в ожидании, затаились приникли к матери-земле*» [5, 166].

У Ш. Муртазаева воробьи ассоциируются с детишками, снег с покрывалом, пишущая машинка со стрёкотом пулемёта: «А у ног *копошатся детишками шустрые воробьи*, клюют сладкие изюминки» [5, 190]; «Белоснежные *покрывала легли на добрую землю*» [5, 191]; «В обкоме не часто услышишь такой крик. *Встревоженно застрекотала секретарша*» [5, 214]; прозрачность журчащей воды ассоциируется со стеклом, а также звук напоминает звон стекла: «Голоса лягушек, зов фазана, треск кузнечиков, *стеклянное журчание воды* в сае звучали поврозь и вместе, напоминая волшебные сказки детства» [5, 49]. Каз. **Сай** – овраг.

Автор говорит о трагической гибели человека, сгоревшего на высоковольтном столбе, используя метафору *крылатый небесный конь* и библейский перифраз *голубые сады эдема*, т.е. рай: «Можно было подумать, что огонь превратился в *крылатого небесного коня*, на которого вскочил человек, сидевший на столбе, и *умчался в голубые сады эдема*, а тоскующие взгляды оставшихся на земле упорно пронзают каждую точку сини, чтобы увидеть следы всадника» [5, 203].

Писатель употребляет иносказания: у казахов **қара** – неблагородного происхождения, из простых людей, не торе, не чингизид. «Разве отдали бы ходжи девушку из своего святого рода *за черного?*» [5, 151].

В следующем контексте мы отмечаем ассоциативный перенос для выражения внутренних эмоций человека в тот момент, а именно близость разлуки: «*Сплелись в крепком объятии барбарис и облепиха*» [5, 190].

Вот пример из романа, где водитель Саша указывает на конкретное значение компонентов фразеосочетания, имея в виду в данном контексте иносказание **ак атан** – метель, буран. Казахское слово **атан** означает «верблюд–самец»: «- Ну, сверстник, как дела? Что, *заревел белый атан, напугал верблюжий вожак* мальчика, а? – пошутил он. Его звали Сашей» [5, 116]. «-*Ак атан*, если только это он пришел, беснуется обычно шесть дней, да так, что ни конного, ни пешего не увидишь, - объяснил Саша» [5, 116].

«Нариман с детства знает это. И знает, что *сонному белому дурману нельзя поддаваться*» [5, 126]. В данном случае **сонный белый дурман** – буран: находясь в горах, в степи во время бурана, метели нельзя засыпать, иначе будет смерть, т.е. если уставший, изнуренный путник, поддавшись чувству, хотя бы вздремнет, то он замерзнет [5, 126].

Автор использует цветообозначающие эпитеты: «А когда взгляд обращается к горам, вспоминается *краснощекое детство*, и на душе становится чище, и верится, что все еще впереди» [5, 37] - обычно у детей бывают румяные щеки, потому что они бегают, играют на улице, они еще здоровы, поэтому *краснощекое детство*»; «Зимнее закатное солнце окрасило мир в *грустные желто-розовые, болезненные тона*» [5, 176].

В следующем контексте писатель прибегает к метафоре *вспыхнул маленький родничок* (вспыхнуть может огонь, свет), эпитету *серебряный свет* и к оксюмору *холодно кипел* (глагол *кипеть* предполагает слова *горячий, горячо*): «Он раздвинул кусты руками, и перед глазами серебряным светом под лунным лучом *вспыхнул маленький родничок*. Он *холодно кипел*, и звуки воды завораживали» [5, 155].

Итак, образные средства отражают видение мира писателем. Ш. Муртазаев передает казахскую ментальность через мысли, переживание своих персонажей, через восприятие ими окружающей действительности. Он использует метафоры, сравнения, эпитеты, олицетворения, иносказания.

Список литературы:

1. Караулов Ю.Н. Вступительная статья // Язык и личность. М., 1989. – С.3-8.
2. Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста. – М.: Высш. шк., 1984. –С.85-87.
3. Цатурова И.А., Каширина Н.А. Переводческий анализ текста. Английский язык: Учебное пособие с методическими рекомендациями. -2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Перспектива, Изд-во «Союз», 2008.- 296 с.- (Библиотека переводчика).
4. Апресян Ю.С. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания// Вопросы языкознания. – М., 2002.-№ 1.-С. 37-67.
5. Шерхан Муртазаев. Черное ожерелье: роман /Пер. с казахского на русский язык Бахытжана Момыш-улы. – М.: Советский писатель, 1977; Алма-Ата: изд-во «Жазушы», 1979.- С. 7-218
6. Милославская С.К., Скорлуповская Е.В. Цели анализа художественного произведения при работе с иностранными студентами в нефилологических вузах СССР // Лингвострановедение и текст: Сб. статей /Сост. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1987. –С. 61-76.
7. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – Департамент по языковой политике, Страсбург.- Совет Европы (французская и английская версии), 2001. Московский государственный лингвистический университет (рус. версия), 2005.- С.53-54

Хамзина Г.С., ф.ғ.к., доцент, **Токтамысова С.**, студент
М.Қозыбаев атындағы СҚУ, Петропавл қ.
gulzada_76@mail.ru

Д.ИСАБЕКОВ ТУЫНДЫЛАРЫНДАҒЫ СӨЙЛЕУ ТІЛІ ЭЛЕМЕНТТЕРІ

Жалпы көркем шығармаларда әрбір кейіпкердің сөз саптауы мен сөз мәнері әр түрлі болып келеді. Бұл олардың қоғамда алатын әлеуметтік жағдайына, ортасына байланысты болып келеді. Сол себепті, олардың әрқайсысының өзінше сөйлеу дағдысы болады. Кейіпкер тілінің осындай ерекшеліктері тілдің лексикалық және грамматикалық қабаттары арқылы жүзеге асады. Кейіпкердің тілі арқылы оның мәдениеттілігі, жас мөлшері, қызметі, кәсібі, өскен ортасы, сыпайылығы, дөрекілігі т.б. бейнелері байқалады. Кейіпкердің сөйлеумәнеріндегі өзіндік ерекшелігі оның лексикасынан басталатыны белгілі. Ал сөйлеу тілі лексикасының құрамына қарапайым, тұрпайы, жаргон сөздер де жатады.

Тілімізде ауызекі сөйлеу тілінде жиі кездесетін тілдік материалдар аз емес. Мұндай сөздер әдеби тілге жатпаса да көркем шығармаларда кездеседі. Көркем шығармада түрлі кейіпкерлердің болатыны және олардың арасында қақтығыстардың да болып тұратыны заңдылық. Ал өмірде әр түрлі жағымды, жағымсыз адамдардың бар болуы – өмірдің шындығы. Бұл туралы академик М.Серғалиев: «Ауызекі сөйлеу стиліне әдеби тіл нормасына жатпайтын сөздердің қолданылуы – табиғи құбылыс», – деген тұжырым жасайды [1, 62].